18+

Василий Мищенко-Боровской

То ли горько, то ли сладко

Василий Михайлович Мищенко-Боровской

То ли горько, то ли сладко

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27097950
ISBN 9785448590023

Аннотация

Сборник стихов – итог размышлений человека с непростой, интересной судьбой о жизни, счастье, любви. О наболевшем в дне сегодняшнем и дне вчерашнем. Переживания о прошлом, настоящем, будущем страны, проблемах людей автор зачастую пытается скрыть за иронией, шуткой, юмором. Отсюда вера в то, что не всё в нашей жизни так уж трагично, а «счастье не в том, что много, счастье – когда достаточно» и, конечно, любовь всегда права.

Содержание

ПАДШИЙ АНГЕЛ. Философская лирика 7
Осень не дружит 7
Бросаю в лето я монету 10
Счастье на вкус какое… 11
Капелька счастья 12
В ненастье 14
В сухом остатке 16
Такая вот загогулина, понимаешь… 18
Богу богово 20
Езда в незнаемое 21
Падший ангел 23
Не тревожь меня, ностальгия 25
Слышь, географ, жизнь прекрасна! 27
Две души 30
Всем дорога одна 32
После 34
Осенние приметы 36
За семью замками суть 38
Выбирая между Иисусом и Истиной 40
На исходе 42
За дубовой дверью – вечность 44
Еще немного о Вере, Надежде и Любви 46
Грехи наши 48

Не теряйте лицо, господа! 50
На день радио 51
Как прежде не будет 53
О былом и вечном 55
Нечто 57
Спешить не надо 59
Без ответа 60
Путь домой 61
Осень жизни 62
ВСЁ У НАС, КАК ВСЕГДА. Гражданская лирика 64
Яблочный спас 1991-го 64
О невеликой октябрьской революции 1993-го 67
Поэт в России больше, чем поэт? 71
На кончину олигарха 73
ДТП 76
Страсти по Чепаю и не только 78
Губит не к одиннадцати туз… 80
Ты все та же, Россия… 82
О Майдане с болью в сердце 84
После майдана 86
Ностальгия, ностальгия 88
Ах ты, поле Куликово… 91
Война так близко 93
Были, вроде, мы раньше братьями… 95
Мы все из времени Высоцкого 98

То ли горько, то ли сладко

Василий Михайлович Мищенко-Боровской

Фотограф Татьяна Николаевна Мищенко

© Василий Михайлович Мищенко-Боровской, 2017
© Татьяна Николаевна Мищенко, фотографии, 2017

ISBN 978-5-4485-9002-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПАДШИЙ АНГЕЛ.
Философская лирика

Популярность философских стихов легко объяснима. Всех нас волнуют темы смысла жизни, смерти, добра и зла, правды и лжи, собственных судеб. Такие стихи позволяют задуматься о вечных вопросах, попробовать осознать себя и свое место в мире. В этом – их привлекательность для автора, но, в то же время и сложность. Ведь стихотворение это не философский трактат, а ограниченное количество поэтических строчек, в которых необходимо сконцентрировать

В ней канительно и бесприютно,
Вон смотрит зорко звезда из лужи,
А я, по небу иду, как будто.

Звезду спросил я: «Ну, как тебе там,
Не одиноко во мраке ночи?»
Она мигнула неярким светом,
Мол, зябко, в общем-то, между прочим.

А мне бы лета ещё глоточек,
Но понимаю: хотеть – не вредно,
Кружит над домом моим листочек,
Вчера – зеленый, сегодня – медный.

Покрыт посёлок осенним гримом,
Журавль колодца на сцене тоже,
Играет с клёном он в пантомиму,
Но птицей всё же взлететь не может.

Вот стаи в небе проплыли мимо,
А с ними вместе и бабье лето,
Журавль остался один на зиму,
Он здесь нужнее, чем был бы где-то.

Торопит время, толкает споро
Природу в спячку, меня на роздых,

Повис над нами осенний морок,
Зато вдруг стали понятней звёзды.

Бросаю в лето я монету

С тобою у лета на самой макушке
Во сне мы летали, как резвые птицы,
«А сколько оно, это счастье, продлится?»
Зачем-то спросил я тогда у кукушки.

Кукушка из леса недолго считала
Чего там, в запасе и сколько осталось,
И вышло, что, самая, самая малость
Сквозь осень и зиму пути до привала.

А время песком между пальцев струится,
В пространстве движение без остановки,
Для бабьего лета другие обновки
Готовит сентябрь исподволь по крупицам.

Пытаюсь обнять я простор необъятный
И, словно в фонтан, в уходящее лето
С надеждой и грустью бросаю монету,
Чтоб снова вернуться когда-то обратно…

Счастье на вкус какое…

Дом на песке построю,
Рай в шалаше достанется,
Настежь окно открою,
Поводов нет печалиться.
Солнце в росинке каждой,
Небо в пруду купается,
Выпью до дна от жажды
То, что еще останется.
Сколько же счастье стоит?
Тропка к нему не гладкая,
Счастье на вкус какое,
Пробую не украдкой я.
Не сотворив кумира,
Век коротаю плавно я,
В мире с собой и с миром
Жить – это самое главное.
Вы не судите строго,
Глядя на домик карточный,
Счастье не в том, что много,
Счастье – когда достаточно.

Капелька счастья

Черною ночью куражится стужа,
Ждёт всё вокруг перемен терпеливо,
Снова в разладе мы, снова недужим,
Зря, видно, год обещал быть счастливым.

Давит на сердце тоска, будто глыба,
Годы сквозят и мелькают так быстро,
Вот и уходишь ты, твой этот выбор
Стал для меня приговором, как выстрел.

Жизнь мы делили, но вышло знать время,
И не понять, одолжить его где бы…
В мёртвой земле вряд ли выживет семя,
Вот мы и делим теперь наше небо.

Сверху намного всё видится лучше,
Там вон, внизу и весна уже близко,
Здесь же холодные снежные тучи,
Звёзды над нами качаются низко.

Чудится нам синеглазое лето,
Снова мы вместе, забыто плохое,
Столько заплачено было за это…

Капельку счастья и время покоя.

В ненастье

Разгулялось за окном вовсю ненастье,
Так душевно «Клён» поется под гармошку,
И мне кажется, что будто за запястье,
Я беру сейчас Есенина Серёжку.

Мы, понятно, с ним ни капли не похожи,
Только песни распевая залихватски,
Во хмелю, дворняг пугая и прохожих,
До утра гуляем по Москве кабацкой.

Это, вроде, неуместное занятие —
По плечу великих хлопать фамильярно,
Но в ненастье поэтическая братия
Так близка судьбой фатальной и коварной.

Провожал я Сергуна до Англетера,
По пятам же шла беда неотвратимо,
Видел Сашку близко-близко у барьера
И молился: пацаны, стреляйте мимо…

Перед боем лейтенант, сгоревший в танке,
Мне читал балладу, был поэт он местный,
Сердце рвал и душу Гамлет на Таганке,

Он же, Вовка, повсеместно бард известный.

Я с Анютой вместе мудро жить учился,
Оказалось, это всё не так и просто,
Страшный век уж очень долго длился,
Оставляя за собой руины и погосты.

Нет, ненастье наши души не остудит,
Урожай бывает даже в лихолетье,
Сколько было их и сколько еще будет
Строк, стихов и песен, тех, что на столетья.

Может быть, сейчас качает в колыбели
У себя Россия под напев тальянок,
Среди нудной бесконечной канители,
Малышей Сережек, Сашек, Вовок, Анок.

В сухом остатке

Время выйдет, поймешь однажды:
Может день длиться века дольше,
Не войти в одну реку дважды,
Потому, что реки нет больше.

Нет любви, нет страны, и веры,
Что в остатке сухом осталось?
Лишь смятение чувств без меры
В душу парой рубцов впаялось.

Широко жить хотелось, вольно,
У костра любви вместе греться,
Почему же сейчас так больно
Отрывать былое от сердца?

Что грузить себя всякой мутью…
Вдоль реки пойди, дальше – лугом
И вдохни, вдохни полной грудью,
Помянув ушедшего друга.

В храм ведет одна лишь дорога,
Жизнь одну лишь напишет повесть,
Если слышишь ты голос Бога,

Знать, не спит пока твоя совесть.

С нею всё же теплее вместе,
Пусть, хоть долог путь или краток.
И, конечно, нательный крестик
Не забудь. Вот такой остаток.

Такая вот загогулина, понимаешь…

Видно, было так и будет,
Покидаем в одночасье
Этот мир из серых буден,
Разбазарив крохи счастья.
Мы приходим, как калифы,
Поцелованные Богом,
А уходим кротко, тихо,
Призадумавшись о многом.

Так хотелось жить лет двести
Без потерь и ностальгии…
Но на нашем Лобном месте
Вон стоят уже другие.
Там у них всё те же страсти,
Рвутся ввысь они в надежде,
Только разные всем масти
Выпадают, как и прежде.

И выходит, что напрасно
Солнце билось рьяно оземь,
Всё равно кроваво-красным
Щедро красит землю осень.
Не смеётся и не плачет
Ветер, листья обрывая,
А вдали опять маячит

Загогулина кривая.

Жизнь, пока её мы кроем,
Души рвём непоправимо,
Много рушим, мало строим,
Наплевав, проходит мимо.
Мало в этом, много толка,
После как-нибудь узнаешь,
Хоть белугой вой, хоть волком,
Жить старайся, понимаешь…

Богу богово

Видно, не зря вечность уже целую
Злая судьба шанс не дает, прячется,
Мимо плывут вдаль облака белые,
С болью душа не напоказ плачется.
Горе давно бродит в миру горькое,
Медленно по оси Земля вертится,
Шрамы порух стянуты все коркою,
Как говорят, слюбится и стерпится.
Где-то звучит музыка снов сладкая,
А наверху накипь бурлит, пенится,
К счастью дороги идут не гладкие,
Трудно понять, что тут сейчас ценится.
Тропы порой в волчье ведут логово,
Редко бывает, мечта вдруг сбудется,
Богу с лихвой надо отдать богово,
Может и нам что-нибудь да ссудится.

Езда в незнаемое

Вот уже на исходе ночь,
А погоныш ещё свистит.
Ты уходишь из дома прочь,
И она, как всегда, простит.
На лужайке замшелый пень,
Он полвека стоит уже,
Скоро новый начнется день,
Недопит до конца фужер.

Седина в бороде давно,
Ни к чему, чтобы бес в ребро.
Да и бесу ведь всё равно,
От добра не ищи добро.
Загляни-ка за свой аватар,
Покопайся ещё в душе,
Может, сыщется божий дар
И разбавит он все клише.

Вот уже миллиарды лет,
Мы в галактике Млечный Путь,
Пока жив, поищи ответ,
Где же кроется жизни суть.
Почему не понять теперь,
Настоящий кто друг, кто враг,
Ты попробуй, возьми, проверь,

Не фальшивое где, а брак.

Не придет озаренье вдруг,
Виновата во всём, мигрень,
Вновь Земля, очертивши круг,
Прибавляет нам новый день.
Гаснет в небе седом звезда,
Первый лучик к пеньку приник,
Жаль, в незнаемое езда
Зачастую ведёт в тупик.

Падший ангел

Написано под впечатлением от замечательного произведения Поэта Игоря Царёва «Ангел из Чертаново»

Тишина вокруг. Дело к ночи.
В доме ангел бесшумно бродит,
Будто что-то сказать мне хочет,
Весь худой и без крыльев, вроде.
Говорю я ему с сомненьем,
Мол, Хранитель ты или призрак,
Вот, хотелось бы разъясненья,
Где же ангельский главный признак?

Без крыла сверху больно оземь,
И обратно подняться как же,
Может, лучше по малой дозе?
Есть коньяк и закуска даже.
Ну а этот, босой и странный,
На меня глядит с укоризной,
А затем прохрипел гортанно:
«Стал я жертвой судьбы капризной.

А когда-то летал ведь в стае,

Был полезным и что-то значил,
Где она, та пора золотая….
Звать меня-то совсем иначе,
Ангел я, но не белый, падший,
За былые грехи ославлен,
На десяток веков стал младше
И теперь вот к тебе приставлен.

Презирать меня, знаю, станешь,
Но жалею вас, человечков,
И когда перед НИМ предстанешь,
За меня уж замолви словечко.
И хотя ещё здесь пока ты,
Жизнь идет не согласно ГОСТам,
Все бока у Земли покаты,
Удержаться на ней не просто».

За окном звездопад осенний.
Пусто в доме. Давно нет прочих.
На стене свет луны и тени,
Вот уже и остаток ночи.
Прошлых лет тяжелеет ноша,
Прав был Демон, в советах точен:
Хорошо быть всегда хорошим,
А плохим, знают все, не очень.

Не тревожь меня, ностальгия

С высоты не видны ухабы и щели,
Но зато открывались такие дали!
Миражей вокруг, приближаясь к цели,
На своём веку уж-то мы повидали…

Заполняли настырно время химеры,
А оно, как песок сквозь пальцы, стекало,
И сменяло кумиров, моды и эры,
Вот его-то у нас, увы, и не стало.

Бесполезно пытаться треножить время.
На плаву удержаться хотя б немного,
Надышаться бы вволю пОрами всеми
Да вернуть долги, мне не надо чужого.

Но сбиваюсь с темпа и падаю в пыль я,
А вверху где-то там бесстрастное небо,
Полететь бы туда, да не держат крылья,
Разделяет нас черта на быль и небыль.

Даже в снах я уже совсем не летаю.
То ли сны не те, то ли ночи другие.
Вот приходит и новый день, рассветает.

Не тревожь ты меня опять, ностальгия…

Слышь, географ, жизнь прекрасна!

За окном резвится лето,
А на сердце непогода,
Не допито, не допето…
Вон зачем-то взял и продал,
Или пропил старый глобус
Школьный лузер, чмо географ.
Я, как сломанный автобус
Цвета хаки или охры,
Никуда уже не еду…
Льёт давно ненужный ливень,
Будто, празднуя победу,
Изгаляется лениво…
Мысль навязчива, покорна
И течёт она без толку
Между пивом и попкорном:
Жизнь сплошная барахолка.
В уши вставил я беруши,
Никого слова не лечат,
Уязвляют болью душу,
Давят гирями на плечи.
Потому молчу печально,
Песни-то ведь не допеты,
Потерялся изначально
Жизни смысл, как лучик света.
Может, он и не терялся,

Просто было всё без смысла,
Просто вёдра я пытался
Вверх тащить без коромысла?
Тут проснулся вдруг. И кстати.
За окном резвится лето,
Соловей неделикатен,
Тот ещё нахал отпетый.
Никуда не делся глобус,
Слышь, географ, всё прекрасно,
Снова в рейс пошел автобус,
Жизнь проходит не напрасно.
В этих трелях, в мокрой ёлке
Столько истового смысла,
Столько подлинного толка!
Ничего не значат числа
В датах паспортной странички…
Если песни не допеты,
На последней электричке
Приезжай ко мне, ведь лето!
Будем слушать сонный ливень,
Что в саду стихи бормочет,
Ненавязчиво, лениво,
Не понять, о чём хлопочет.
Иногда бывает важно
Шелуху тягучих будней
Маеты многоэтажной
Разбросать побезрассудней.
И слова сплетая в рифмы,
Обжигая ими глотку,

Сочиним здесь вместе стих мы,
Распаляя мысли водкой.
Ничего здесь не порушив,
Без апломба и без фальши,
Просто успокоим души,
Просто будем жить мы дальше…

Две души

Ты всегда мне казалась загадкою…
От злодея, а может, от гения,
Ох, достались тебе, моя сладкая,
Две души изначально, с рождения.

И одна из тех душ – белоснежная,
Родниковая вся, первозданная,
В меру страстная, тонкая, нежная,
Будто, Богом в награду мне данная.

По ночам в звёздном небе парящая,
Постоянна в своей неизменности,
Как струна мелодично звенящая,
Раскрывает свои сокровенности.

А другая душа цветом странная,
Вроде чёрная, или же серая,
В морализме своём филигранная,
Вот отмерил же Бог полной мерою…

То грустит она вдруг, то печалится,
Изнывает в тоске и в безверии,
Иногда непомерно бахвалится

И впадает подчас в фанаберию.

Не бывает душа только белою,
Или чёрною до неприличности,
Многогранность её крепит целое
И в одной уживается личности.

Мы с ней душами нежно касаемся,
А они припорошены инеем,
То взмываем туда, то спускаемся,
Где судьбою прочерчены линии…

Всем дорога одна

Коротка наша жизнь, как крути не крути,
Мы калифы недолго, всего-то на час,
А вокруг ни души, хоть шаром покати,
Во Вселенной большой, кроме маленьких нас.

И Царь-колокол вдруг не забьёт в набат,
А Царь-пушка без дела стоит вообще,
Будь ты гол, как сокол, или же богат,
Всем дорога одна ведь – на кладбище.

Не успев человечество повзрослеть,
Продолжая в войнушки ещё играть,
Всё кого-то пытается одолеть,
И песочницы рушить, а не ваять.

Не успев оглядеться пока вокруг,
А уже отвечать надо: быть, не быть,
Вон и финиш вдали замаячил вдруг,
Наступает пора по счетам платить.

Горько думать теперь о былой красе,
За долги же не будет никто прощён,
Судный день придёт и заплатят все,

А кому-то, даст Бог, повезёт ещё.

После

Вот, смахнув горечь слёз со щеки аккуратно,
Поминальную чашу по мне осушили,
Помолчали о чём-то, а после – обратно
По делам неотложным они поспешили.

Ну, а я становлюсь малым облачком в небе,
Улетаю от грешной земли без оглядки,
Позабыв, то ли был я на ней, то ли не был,
Видно, с памятью что-то моей не в порядке.

А со мною рядком проплывают, касаясь краями,
Облака невесомо-воздушные разного цвета
Над знакомою, вроде, рекою, лугами, полями,
Где неистовый май вот уже подбирается к лету.

Обитаю, наверно, теперь я в другом измерении,
Здесь иные пространства и время не властно,
Не свистят у виска, будто пули, мгновения,
Всё свершается, мудрым законам согласно.

Я бездумно слежу за диковинной птицей,
Что парит между мной и калиной цветущей,
Это кажется мне удивительным, или же снится,

Белокрылые ангелы рядом и райские кущи…

Нет во мне уже боли, тревоги, печалей,
Только лёгкое, неуловимое сожаление,
Я стою на развилке дороги, как в самом начале,
Чтобы выбрать какой-то маршрут для движения.

Только мыслю я почему-то ещё по земному,
Прочно вяжет с хромою судьбой перемычка,
Жаль, конечно, что не умею пока по-другому,
Вот и сыплю словами и рифмами. По привычке.

Осенние приметы

За моим окном осенние приметы,
Сердце полнится до верха ожиданьем,
Вновь приходит, как обычно, бабье лето,
Так привычно всё в устройстве мирозданья.

Птицы рьяно подбивают клинья к югу,
Безутешные кричат им вслед подранки,
И природа устремляется по кругу,
Под вселенскую мелодию шарманки.

Осень движется неспешно по планете,
В увяданьи и рожденьи всё прекрасно,
Всё логично в этом жизненном сюжете,
А минувшее, наверно, не напрасно.

Провожаю лист последний, вниз упавший,
За моим окном сентябрь, как будто, в спячке,
Катит пьяный листопад, чуть запоздавший,
И тоска ещё черней, белей горячка…

Надо мной вовсю краснеет гроздь калины,
Сердце полнится предчувствием и грустью,
С треском рвётся нить последней паутины,

Бабье лето подплывает мерно к устью…

За семью замками суть

То ли горько, то ли сладко,
Не понять, какой в том прок,
Что у нашей жизни срок
Почему-то слишком краткий.

Всуе поминая бога,
Где-то вплавь, а где-то вброд,
Мы спешим вперёд, вперёд
От домашнего порога.

Лишь чуть-чуть качнутся тени,
Катится за годом год,
Вот и новый поворот,
Длинной лестницы ступени.

Мир мечтаний зыбкий, мнимый
Ускользает из-под ног,
Подводить пора итог.
Всё проходит. Мимо, мимо.

Мы уже почти у цели,
Но пора держать ответ,
Души вверх летят на свет,
Что горит в конце тоннеля.

Поиграв с судьбою в прятки,
Не найдя особый путь,
За семью замками суть,
Что же там, в сухом остатке?

Там ненужные растраты,
А свершений на щепоть,
Там не возбранял Господь
Боль, предательство, утраты…

Горсть добра, корысти, злости,
Жизни промелькнувшей миг,
Полки не прочтённых книг,
Да таблички на погосте…

Выбирая между Иисусом и Истиной

Вместо черного часто видится белое,
Забываются напрочь другие оттенки
И, что малые части составляют целое,
Коридоры же всегда упираются в стенки.

Проходя насквозь запретные зоны,
Уверяем, что этот путь не напрасный,
А у жизни ведь имеются и свои резоны,
Зря перечить ей бывает опасно.

Поклоняемся мы сегодня Авелю,
Ну а завтра, непонятно почему, Каину,
Говорим, будто, нас заставили,
Если тронуть вдруг слегка окалину.

Всем назло, упрямо твердим: воистину,
Прав и тот, кто имеет иное мнение:
Выбирая между Иисусом и Истиной,
Волен каждый в своем решении.

Восседая на горбу прошедших столетий,
Запрокинув к небесам злые лица,
Мы не видим, что творится на этом свете
И как быстро время мимо струится.

Вдруг проснувшись от позвоночной дрожи,
Понимаем, что одолела-таки усталость,
Но никто, уже совсем никто не поможет.
Время вышло всё. Такая вот жалость…

На исходе

Все чаще зудит, как июльский назойливый слепень,
Тревожит некстати и ждет подходящего часа
Настырный позыв обменять кандидатскую степень
На неуд в тетрадке помятой начального класса.
Когда добредешь и упрешься опять в перепутье,
А выбрать дорогу и двигаться дальше нет мочи,
Приходит чуть-чуть запоздало познание сути
Творения Божьего вдруг, как то так, между прочим.
И то, что казалось вчера, было главным и важным,
Развязно росло много лет на виду, по соседству,
В ручье растворяясь на самом на донце овражном,
Уносится вместе со мной в беззаботное детство.
А там – дух пыльцы луговой, как же сочен и сладок…
Песчинки на мокрых ладошках и вечные цыпки,
У бати на лбу еще нет ни морщинок, ни складок,
И сердцу покойно от маминой тихой улыбки…
Оно ведь понятно, намного бы было полезней,
Очнувшись от долгой, как будто пожизненной, спячки,
Рвануть от асфальтово-каменных странных болезней,
По сказкам забытым в бездумно-бредовой горячке.
Однако, у Вечности тоже есть главное устье,
Вплываем туда мы неспешно, по расписанию,
Разбавив слегка вкус осенней березовой грусти

Казенной безвкусицей скорбных обрядов прощания…

За дубовой дверью – вечность

На исходе бабье лето
И ласкает лучик света,
Всласть куражится.
От рассвета до рассвета
То ли снится мне все это,
То ли кажется.
Камнем вниз, а после кверху,
Вот и новая прореха
К сердцу тянется,
За помехою – потеха,
Да раскатистое эхо
Долго мается.
Перекрестки, полустанки,
Память, память наизнанку,
Нет, не радует.
Толковище спозаранку
И кричат, кричат подранки,
В травы падая.
Дни несутся чередою,
Об руку беда с бедою
Резво множатся.
За дубовой дверью – вечность,
Неизбежность, скоротечность
Вместе сложатся.
Разбивая в кровь коленки,

Мы снимаем сверху пенки,
Жизнь убогая.
Скорбно нам в пустые зенки
Матерь Божия со стенки
Смотрит строгая.

Еще немного о Вере, Надежде и Любви

На просторах от края до края
Разлилось, расплескалось безумие,
Дела нет до загробного рая,
Поселилась в душе прочно мумия.
Дела нет мне – пустые хлопоты-
До Суда, хоть воистину Страшного,
До того, кто страдал безропотно
За чужие грехи. Дело зряшное.

Что мне имя Твое, что пророчества?
Коль в душе нет Надежды, ну начисто,
Правит бал в ней давно одиночество,
Превращая количество в качество.
«Отче наш» все никак не озвучится,
А молитва сейчас будет к месту ли?
Повисеть на кресте да помучиться,
А затем – в небеса, то ли в бездну ли…

Вот бы взять да начать все заново,
Чтоб ни дня, ни минуты попусту,
Повторить прегрешенье Адамово
И вернуться на землю попросту.

Вот сейчас Он в затылок целится
Из Любви, что нас всех касается,
А Любовь то на всех не делится.
Эх, успеть бы, успеть покаяться…

Грехи наши

В рай не пустят былые грехи,
Набираем кармический вес,
От деяний, поступков лихих
Никаких нам не хватит завес.

От чинов и карьерных высот
Как же голову сладко кружит!
Но несет нас, упрямо несет
К самой первой и крохотной лжи.

В веренице бессмысленных дней
Малодушия видится след,
Распирает гордыня сильней
От нелепых и легких побед.

И в бессоннице зимних ночей
Не прощенных встает череда,
Огонькам поминальных свечей
Души их не согреть сквозь года.

Души всех не рожденных детей
Предъявляют сегодня нам счет,
И сурово, без всяких затей,

Ставит время двойной незачет.

Нашим предкам достался давно
Первородный единственный грех,
Но с тех пор на пространстве земном
Уйма зла проросла без помех.

Мы добавим в копилку чуть-чуть
Грешных дел без особых забот,
И потомство затем, где-нибудь,
От зловредной судьбы не уйдет.

Не теряйте лицо, господа!

Если вдруг вас покинет удача,
Если даже нагрянет беда
И повалят напасти в придачу,
Не теряйте лицо, господа!

Миллион на рубли не меняйте,
Не транжирьте напрасно года
И с судьбою в «очко» не играйте,
Не теряйте лицо, господа!

Берегите достоинство ваше,
Соизмерьте все «нет» и все «да»,
Страшный Суд да не будет вам страшен,
Не теряйте лицо, господа!

В жизни нашей бывает всякое,
Только помните это всегда:
Потерять можно много, однако,
Не теряйте себя, господа!

На день радио

Давно живем мы в этом мире
Среди частот и волн различных,
Совсем невидимых в эфире,
Лишь килогерцами отличных.

Нам не доступны микросхемы,
Попову же они не снились,
Не всем понятны эти темы,
Не все с паяльником возились.

Без треска, без помех, без шума
Шансон в FM-диапазоне,
По «ящику» мы видим Думу,
Гоп стоп очередной на зоне.

Мне во стократ сейчас дороже
Детекторный приемник первый,
Такой простой, и все же, все же…
Щекочет ностальгия нервы.

Свой «телик» первый с линзой мутной
Сегодня помянуть хочу я,
С щемящей грустью, чувством смутным

Конец эпохи кожей чую.

Как прежде не будет

Я хочу, чтобы было, как прежде,
Солнце раньше вставало и грело,
Лето громче звенело и пело,
В сердце дольше теплилась надежда.

Позабытые сказки вернулись
В дымке белой и в цвете вишневом,
Новым делом и искренним словом
Миражи навсегда обернулись.

Мне хотелось бы вновь на рассвете
По росе босиком пробежаться,
Вновь любить, приручать, приручаться,
Снова быть за кого-то в ответе.

Мне хотелось бы жить, как и прежде,
Без упреков, без страха, без боли,
И шутя исполнять эти роли
Ловкача, донжуана, невежды.

Знаю, знаю, как прежде, не будет,
Дважды в реку войти невозможно,
И по краю пройти осторожно.

Кто поймет, строго пусть не осудит.

О былом и вечном

Мы столетий листаем страницы,
Мы пытаемся в прошлом увидеть
Судеб разных людей вереницы
Из сословий различных и гильдий.

И понять их былые раздумья
О любви и о войнах кровавых,
Потому, что в трактатах заумных
Мыслей мало, тем более здравых.

Как они представляли потомков,
Тех, которые после родятся,
Что там с миром до хрупкости ломким
Через много веков может статься.

Сложно, сложно объять бесконечность,
Приручить неподвластное время,
Нашей жизни понять скоротечность,
Неизбежность конца взвесить бремя.

Жаль, что все в нашем мире конечно
И творение божье не прочно,
Время тратим мы часто беспечно,

Знаю, знаю сейчас это точно.

Мы уйдем. Станут новые люди
Размышлять о былом и о вечном,
Что случится потом, что же будет
После них на Пути нашем Млечном,

На планете на нашей прекрасной,
Голубой, а теперь помутневшей.
Ведь вопрос этот очень не праздный
Для души в мир иной отлетевшей.

Я Всевышнему Разуму верю
И азы диалектики знаю.
Перед нами распахнуты двери
Ада вечного. Вечного рая.

Будут звезды искриться на небе,
Будут к небу тянуться деревья,
Будет запах земельный и хлебный,
Миг РОЖДЕНИЯ. В это я верю.

Нечто

Чудес здесь нет. Никто не бродит.
Русалку не увидишь ночью,
Но НЕЧТО есть еще в природе,
Мне душу клеит всю из клочьев.

Похоже на собаку, волка,
На не отловленного Йети,
А если присмотреться с толком,
То на соседа дядю Петю.

И путь сюда не очень длинный.
Я прихожу к нему, как к другу,
Когда в душе совсем пустынно
И трудно выбраться из круга.

Когда попрут, подняв забрало,
Враги, проблемы и заботы,
Тепла вдруг станет как-то мало
И валится из рук работа.

Мы помолчим с ним рядом вместе,
Ведь слов здесь никаких не надо,
Рассеются плохие вести

В глубинах утреннего сада.

Сомнений нет, какая жалость,
Что я ослеп давно, как будто,
Что раньше мне не удавалось
Его увидеть почему-то.

Спешить не надо

Больше спешить не надо
Нам, заблудившимся между
Райским теплом и адом,
Похоронившим надежду.

Вдаль потянулись птицы,
Душу гнетет усталость,
Ночь так длинна… Не спится.
Утро не дарит радость.

Листья срывает ветер
С веток, замерзших летом.
Кто же за них в ответе?
Эхо звучит ответом.

Без ответа

Давно это было.
А будто вчера…
Все временем смыло.
И вот уж пора
Подумать о вечном,
И нужно итожить..
А миг быстротечный
Вернуть кто-то сможет
Из мира живущих?
Искрящимся светом
Зажечь наши души
Поможет советом?
Не будет ответа,
Не нужно ответа…

Путь домой

Господи, как долог путь домой..
Словно вдруг остановилось время.
Замерло. Все тише голос твой.
Крест дубовый. Непосильно бремя…

Господи, как долго длится день!..
Как немыслимо жестоки эти муки…
Вот уже закрыла солнце тень,
В смертной судороге цепенеют руки…

Каждому настанет свой черед
Одолеть земное притяженье.
Господи, узнать бы наперед,
Где оно, последнее мгновенье.

И предстать пред образом творца.
Близок, близок апогей земной
Без шипов тернового венца.
Господи, как долог путь домой!…

Осень жизни

Осень жизни вдруг придет внезапно,
Вкус у счастья вдруг окажется соленым.
От весны, мелькнувшей безвозвратно,
Нам привет тоскою убеленным.

Времени не изменить теченье
И маршрута перелетной птицы.
У орбит не отменить пересеченья,
У судьбы не поменять страницы.

Что-то вдруг покажется не важным,
А ненужное вдруг станет главным.
Времени не будет стать отважным,
Вниз несет течение нас плавно.

И все чаще прошлое стучится,
В будущем нам ничего не светит.
Больше ничего уж не случится.
Ни за что не нужно быть в ответе.

Сколько же потеряно в дороге,
Скольких нет среди живущих ныне…
И зима уселась на пороге,

А в душе черствеет все и стынет.

Где мечты, надежды и желания,
Где рассветы летнею порою,
Звонкий смех и радость от познания,
Где же ты, дыхание второе?

ВСЁ У НАС, КАК ВСЕГДА.
Гражданская лирика
Гражданская лирика – жанр, в котором автор стремится передать свои переживания, рассуждения и мысли о происходящих в стране и мире событиях, о волнующих людей проблемах. В этих стихах можно увидеть изъяны и пороки, присущие обществу, людям, государству. А, следовательно – их патриотичность и гражданскую позицию автора.

Яблочный спас 1991-го
Все дальше от нас, сегодняшних,

Вот и Господнее Преображение,
Скоро картошку копать про запас,
А в державе бардак и брожение.

На столе давно остыли чай и омлет,
Из припасов последних Танькиных,
По телеку на всех каналах балет,
А на улицах скрежет траков танковых.

Вокруг Белого дома гудит толпа,
От воззваний ельцинских зажигается,
Кто-то скажет, что толпа слепа,
Ну а правда после, потом, узнается.

А пока баррикады из хлама разного,
В ночь с девятнадцатого на двадцатое
Штурма уже ждут и атаки газовой
Интеллигенты бородатые с пацанятами.

Я звоню из будки телефоновой,
Чтоб проститься с женой моей Танькою,
С кошкой Дашкой, соседкой Сафоновой
И, конечно, с сынишкой Санькою.

На Садовом из КАМАЗов глухой затор,
Рядком бутылки с «коктейлем Молотова»,

И ошалевший солдатик передергивает затвор,
Ночь предсмертными хрипами вспорота.

А затем, наутро, вся страна узнает,
Что под колесами армейского БТ-эра
Вместе с жизнями трех парней не станет
Государства могучего ЭС-ЭС-ЭС-ЭР-а.

И теперь, по прошествии многих лет,
Всматриваюсь в тот август слегка опечаленно,
У Истории все пытаюсь найти ответ:
Кто же могильщик страны моей сваленной?

О невеликой октябрьской революции 1993-го

4 октября 1993-го. Полдень.
С Краснопресненской набережной
танки лупят зажигательными
болванками по Белому дому.
На Кутузовском мосту разбитый
троллейбус. Новый Арбат
и близлежащие переулки запружены
военной техникой и солдатами.
Я стою в толпе зевак у здания
бывшего СЭВа и наблюдаю,
как одна из болванок ложится
прямехонько в окно моего кабинета
и появляются первые язычки
пламени. С крыш неутомимо
постреливают снайперы. Вот справа
и слева от меня падают ничком
почти одновременно парнишка

происходило на моих глазах в буквальном смысле, поскольку трудился тогда в злосчастном Верховном Совете. И, чего греха таить, не был сторонником его руководителей. БН олицетворял в то время во многих умах стремления и надежды на перемены. Поэтому после знаменитого Указа 1400 наша группа покинула Белый дом и включилась в формирование нового парламента – Федерального Собрания. Что происходило потом, всем хорошо известно. На первых выборах победил В.Ф.Жириновский. Грабительская приватизация, танки с московских улиц вскоре докатились до Грозного, БН клялся «лечь на рельсы», подшофе дирижировал немецким оркестром, да так умело, что в собственной стране случился дефолт.

Когда-то в прошлом, еще на II съезде РСДРП, знаменитый марксист Г.В.Плеханов, походя, сформулировал тезисы поведения революционной власти по отношению к парламенту. В зависимости от его лояльности. Старику не повезло: он увидел собственными глазами разгон Учредительного Собрания, разгул революционной шпаны. И повезло одновременно, поскольку не увидел того, что произойдет в России потом. Но умирая, пришел к заключению, что революция опошлена, а Ленин, к сожалению, не арестован. Только какое дело до этого миллионам жертв революционной целесообразности, в число которых попали убиенные в октябре 93-го? И те двое, погибшие рядом со мной у Белого дома.

Вот и годовщина Октябрьской Революции,
Но в девяносто третьем в столице опять буза.
Смогут ли там понять нас, в далекой Турции,
Боремся почему же мы то против, то за.

На Тверской, Краснопресненской и у Кремля
Толпы разных гражданских вокруг костров,
Тупо затаилась уставшая от побоищ земля,
Ждут давно развязки Питер, Казань и Ростов.

Близится уже к концу штурм в Останкино,
Мёртвые тела собраны и рядком лежат,
Слёзы впереди еще горькие мамкины,
И проклятия тем, кто судьбою страны вершат.

Утром – Белый дом, окруженный танками.
Залпы прямой наводкой. Вот и в мое окно
Лупят вовсю зажигательными болванками,
Дедушка, видать, не трезвый, ему всё равно.

С крыш домов снайперы бьют очень прицельно,
Кто-то рядом со мной в асфальт уткнулся лицом,
Свитер в крови и на шее крестик нательный,
А на безымянном пальце сверкнуло кольцо.

К ночи сдался горящий оплот революции,

Вот и арестованные с поднятыми руками,
Дела там нет никакого, в далекой Турции,
Скольких развезут по моргам грузовиками.

Всё проходит. Стала историей эта кома.
И мне сейчас потому больнее вдвойне,
Что пацан, застреленный у Белого Дома,
Выучить не успел урок о гражданской войне.

Поэт в России больше, чем поэт?

Вопрос меня волнует много лет,
Ответить на него немало значит:
Поэт в России больше, чем поэт,
И если да, то будет ли иначе?

Насколько больше я уже давно
Понять пытаюсь, но выходит тщетно,
Наверное, Поэтам всё равно,
Прозрачно это или незаметно.

Перчаткою наотмашь по лицу,
Захлопнув прочно за собою дверцы —
Ну как простить обиду подлецу?
Дуэль. Барьер. И пуля прямо в сердце.

И нужно звать, и плакать, и жалеть,
Под залихватский перелив тальянки,
И не узнать, как песни эти петь
Потомки будут трезво и по пьянке.

Как это всё понять, что хорошо,
Совсем не хорошо, насквозь хреново,
Папашам ведь совсем не до стишков,
Ярмо на шею им одели снова.

Петлю на горло и свинец в висок,
Старуха, отбирая, косит чисто,
И превратив чужую жизнь в песок,
Последний вздох прервет рука чекиста.

В России почему-то всё не так,
Чего в нас больше: лжи, отваги, страха?
Царит его величество бардак,
В конце дороги с топорами плаха…

Поэт везде – сначала он поэт,
Творит не ради Нобелевских премий,
Чего в нем больше, а чего в нем нет,
Отмерят пусть другие. Ну, и ВРЕМЯ.

На кончину олигарха

Скажи товарищ, ведь недаром,
Земля российская в ударе
Традиции верна
Прихода ожидать мессии,
И помнит, помнит вся Россия,
Кого плодит она.

Ивана Грозного и Пугачева,
Кутузова и Годунова,
Петра и Ермака.
Кого взрастила в колыбели:
Скуратова, цареубийц, Емелю,
Ивана дурака.

Да, было время, были люди…
Молва их любит, больше судит,
Как, впрочем, и сейчас.
Вот, был один такой, прагматик,
Ученый, видный математик,
Он был один из нас.

Потом настало лихолетье,
Страну вдруг стеганули плетью,
Свихнулся стар и мал.
Тут ум логический сгодился,

И сам собою сколотился
Начальный капитал.

И как там все потом сложилось,
И сколько КЭШа наварилось,
Один про это знал
Семибанкирщины куратор,
Пройдоха, ушлый комбинатор,
Кремлевский кардинал.

И власть, почти как у монарха,
Но лишь дорос до олигарха,
Ударился в бега.
В конце – разбитое корыто.
Судьба злодейка, шито-крыто,
Наставила рога.

Он, будто, был лихой любовник,
Шпион и даже уголовник,
Считали так давно.
И сколько там чему не виться,
С петлей на шее очутиться
Придется все равно.

Знавали те не понаслышке.
Кто сталкивался с коротышкой,
Его бульдожий нрав.
Теперь же, перед странной тризной,
Бурчит Россия с укоризной:

«Бориска, ты – неправ….»

ДТП

Я по трассе жму почти под сто,
За верстой уносится верста,
И в сентябрьском воздухе густом
Благодать, покой и красота.

Вдруг, удар, как взрыв, и – темнота,
Над дорогой, будто, я завис,
Надо мною неба высота,
Лучик солнца устремился вниз.

И, как будто, кто-то мне сказал
Тихо так, почти не разобрать,
То ли ветер, то ли ангел пролетал,
Должен жить я, рано умирать.

Автогеном долго резали металл:
Извлекал меня из груды МЧС,
Доктор нашатырь под нос совал
И снимал уколом жуткий стресс.

А гаишник странно так смотрел,
И потом, не выдержав, сказал,
Мол, в рубахе ты родился, если цел.

Капитан, наверно, много повидал…

Ну, а тот, кто эту кашу заварил,
В лобовую, в бешеном прыжке,
Он почти совсем еще не жил,
На обочине лежал теперь в мешке.

Вдоль дорог веночки да кресты,
Будто говорит нам новый знак:
Здесь сейчас вот мы, а завтра – ты
Можешь жизнь закончить точно так.

От статистики не деться никуда:
Тридцать тысяч жизней каждый год…
Кажется, до Страшного Суда
Не дотянет грешный наш народ.

Страсти по Чепаю и не только

Анекдотов про Чепаева не счесть.
Мы травили их друг другу под портвейн
И считали – это круто, это – жесть,
Никаких не ожидая перемен.

Пацанам шестидесятых не понять
Ничего про те лихие времена,
Что такое убивать и умирать,
Что за мерзость та гражданская война.

Вижу я сейчас Чепаева портрет:
Он в атаку гонит конные полки,
А комдиву то всего лишь тридцать лет,
И в дивизии простые мужики.

Строил церкви, в бога верил, воевал.
Грудь за храбрость вся в медалях и крестах.
Правду, счастье да свободу он искал.
Не нашел её: не в тех искал местах.

Разодрали всю Россию пополам,
Сила каждая по-своему права,
Красно-белый ужас и бедлам,

Цвета мало стало. Только два.

Одинаково невыносимо жаль
Всех расстрелянных в подвалах губчека,
Также и других, кого сразила сталь
Шашки пьяного донского казака.

Революций, войн, репрессий череда,
Это будет всё, случится лишь потом:
За бедою вслед навалится беда,
Впереди еще – горящий Белый дом.

Эти призраки Афгана и Чечни
От Чепаева в немыслимой дали,
Всё, за что сейчас сражаются они,
Вдруг окажется банкротом, на мели.

Не смотрите на Чепая свысока.
Утекают наши годы, как вода.
Всё уносит, сносит времени река
Зачастую без остатка, без следа.

Мне хотелось бы сказать любимый тост
Не вернувшейся с фронтов моей страны,
Он понятен всем и очень-очень прост:
Жить всем долго и совсем не знать войны.

Губит не к одиннадцати туз…

Этапом из осиротевшей вдруг Твери
Отправился не во Владимирский централ,
Оставив метку на своей двери,
Он дал нам много, но и многое забрал.

Один из многих, кто успел-таки нам спеть
Немало песен о любви, судьбе и о разлуке,
Предвидя, хоть нелепую, но все же смерть,
Прокравшуюся в дверь открытую без стука.

Давно в законе ставшие и песни и стихи,
На полуслове прерван этот разговор,
А батюшка еще не отпустил ему грехи,
Расстрельная статья и скорый приговор.

За окнами стоит апрель, опять весна,
На сердце давит камнем тот же груз,
Пора уже, пора встряхнуться нам от сна,
Ведь губит все-таки нас не к одиннадцати туз.

На храмах золотые купола не те уже теперь,
Вчера сказал мне грустно закадычный друг,
И стал совсем другим старинный город Тверь.

В нем больше не поёт жиган наш Миша Круг…

Ты все та же, Россия…

Ко Дню народного единства по мотивам произведений о России А. Ахматовой, А. Белого, А. Блока, С. Есенина, М. Лермонтова, Ф. Тютчева, М. Цветаевой.

Лишь на самом на краю вдруг край увидеть
Долго падать вниз, карабкаться со дна,
Может каждый и любить и ненавидеть,
Но Россия ведь для всех для нас одна.

И каким еще аршином её мерить,
Очень хочется нам, наконец, понять,
Очень хочется в нее как прежде верить
И былую прежде вновь увидеть стать.

Пусть немытая, порочная, босая,
Вновь она страна рабов, страна господ,
Только сажень лишь в плечах ее косая,
Да все тот же снова страждущий народ.

Пахнет так же сладко яблоком и медом
По церквам, убогим хатам тот же Спас,
И все так же ярко звезды с небосвода
Смотрят пристально на неуемных нас.

Верю я, что невозможное возможно,
Ты такая же – в лесах, дымах, полях,
Снова видятся в дали твоей дорожной
Плат узорный, кабаки да тополя.

Ты – такая же, и все-таки – другая,
Роковая, но не сломлена судьбой,
Часто мы тебя, случается, ругаем,
Но и беды делим вместе мы с тобой.

Эх, ты гой еси, краса моя, Россия,
У Всевышнего сейчас я попросил,
Для себя ведь ничего и не просил я,
Не оставь ее и дай ей, Боже, сил…

О Майдане с болью в сердце

Украина, Украина,
Нэнька, рідна Батьківщіна!
Ты куда несешься лихо,
Киевская Русь?

От Батыя до Богдана,
От Бандеры до Майдана,
От окраины москальской
Ты куда летишь?

От Гудзона, Темзы, Рейна,
Не спросив аборигенов,
Ястребы за Днепр летают,
Гоголю назло.

Дежавю. Мы зря забыли
Исторические были:
Отчего попали в иго
На две сотни лет.

Быть хотела незалежной,
Но толкает дух мятежный
На Восток или на Запад?
Выбор за тобой.

До какого же предела,
В свете геопределов,
Малой родины страданья
Будем мы терпеть?

Бродят, бродят по майданам
Средь Мыколов та Иванов
Призраки войны гражданской.
Упаси господь…

После майдана

По Майдану гуляет ветер,
Снегом сыплет на баррикады,
Ветер знает, он мне ответит,
Для чего и кому это надо.

Над Майданом гуляет ветер,
Разгоняет остатки дыма.
Я на карте вчера отметил:
Украина теперь – без Крыма.

Как болит голова с похмелья…
До кровей ну зачем было драться,
Пить чужое вот это зелье?
Хорошо бы не просыпаться…

Правда – горькая, как отрава,
Расползается кривда, как тесто,
Нынче право у тех, кто справа,
На майданах им мало места.

Затаилось тут лыхо по хатам,
У вышнэвых садах – тревога,
Поднимается брат на брата

Под пятой сапога «бандерлога».

Правду с болью сейчас глотаю,
Той, моей Украины не стало,
А надежда и вера все тают:
Ведь беда эта – лишь начало…

Ностальгия, ностальгия

Как-то раз в тиши вечерней
Вспомнился мне город Терни
После пития.
А затем всплыла деревня,
Мой мирок далекий, древний,
Из небытия.
Там, на старом на кладбище,
Уж теперь его не сыщешь,
Холмик маленький,
Где был дом – там пепелище,
Пес голодный рядом рыщет,
Тлеют валенки,
И валяются игрушки,
Кукла, соска, погремушка
На проталинке.
Здесь давно не пахнет стружкой,
Не судачат тут старушки
На завалинке.
Нет завалинок подавно,
Утекает время плавно
За околицей,
И народ гуляет славно,
В церкви же теперь о главном
Редко молится.
А в полях давно не сеют,

Будто, сеять не умеют,
Не понять.
На земле же тот жиреет,
Кто урвать везде умеет,
Не унять.
Здесь хозяин тот, кто в дамках,
Это он построил замки
В чистом во поле,
И не слышен голос мамкин,
Лишь осталась фотка в рамке,
Нет и тополя,
Пухом тропку он порошил
И ругался дядя Проша
После пьяночки,
На троих пропили гроши
И отбили все ладоши
Под тальяночку.
Не слыхать теперь тальянки
За деревней на Полянке,
Нет Поляночки.
Где Оксанка и Марьянка?
На дороге за Курьянкой
Две путаночки.
Помню дом с вишневым садом,
Поле, лес, да речку рядом
Чистую,
Тетку в праздничном наряде,
Как блюла она обряды
Истово.

Нет обрядов с тетей Полей,
А в груди щекочет, колет,
Торкает.
Что поделать? Вольным – воля,
Вот она деревни доля
Горькая.

Ах ты, поле Куликово…

Памяти всех убиенных в Одессе 2 мая 2014-го.

Поле, поле Куликово…
Юморные одесситы,
Мы – сегодня в роли новой:
В майский теплый день убиты.
Мы лежим в кровавых лужах,
Палачам здесь нашим праздник,
Ужас стынет, стынет в душах,
Отлетевших с места казни.
Скорбный список пополняем
Яра Бабьего, Хатыни,
Мы теперь уж не узнаем,
Что с Украйной станет ныне.
Помни нас, Одесса-мама,
Помни Киев, Лондон, Вена,
Нет конца у этой драмы,
Суд есть божий, есть геенна.
Нас уж нет. Не та Одесса.
С нами ей проститься можно.
В трауре по нам Пересыпь,
На «Привозе» так тревожно…
Веруем, за все воздастся,
За добро, злодейство тоже:
Кто – в чистилище, кто – в Святцы,

Помоги Украйне, Боже…
Поле, поле Куликово…
Юморные одесситы,
Сверху смотрим вниз сурово,
На гражданской мы убиты…

Война так близко

Приятель харьковский мой Вовка,
Он родом, кажется, с Донбасса,
На переменках грыз морковку
И верховодил всеми в классе.
Мы, в одинаковых ушанках,
Играли в детские войнушки,
Копали за селом землянки
И спали в них на раскладушках.
Казалось нам, послевоенным,
Уже не может быть больнее,
И хлеб давая немцам пленным,
Казалось нам, мы всех сильнее.

Но вышло как-то по-другому,
Страна распалась на осколки,
Был отчий дом, не стало дома,
Секунды-годы, все без толка.
За пять годков был дважды ранен
Приятель Вовка мой в Афгане,
А я на стройке века – БАМа
Как будто, срок мотал упрямо.
Война так близко, у границы,
И звуки тонут в канонаде,

Мольба и боль, и страх на лицах,
Вся Малороссия в осаде.

Одевший китель вновь афганский
Приятель харьковский мой Вовка,
Погиб недавно под Славянском,
Убит из снайперской винтовки.
А кто убил? Уже не важно,
Ходившие когда-то в школы
Петро, Сашко или Мыкола,
Игравшие в войну отважно.
Дымятся кровью и железом
Рассветы летние Донбасса,
Как будто бы ломоть отрезан
От лика плачущего Спаса…

Были, вроде, мы раньше братьями… Мгновенный отчаянно-патриотический ответ на не совсем (точнее, совсем) не дружественный выпад «Россияне! Никогда мы не будем братьями…».

Никогда мы не будем братьями,
Ни по Родине, ни по матери,
Духа нет у вас быть свободными,
Нам не стать с вами даже сводными.
Вы себя окрестили старшими,
Нам быть младшими, да не вашими.
Вас так много, а жаль – безликие,
Вы – огромные, мы – великие…

А. Дмитрук

http://www.youtube.com/watch?v=loGm-Ur7YbM

Хотел бы уточнить, что мое сочинение ни в коей мере не относится ни к Украине, ни к ее народу, а лишь к той его ЧАСТИ, оболваненной лживой пропагандой, посулами западных «демократов», несущих свои «ценности» наро-

дам мира. Не знающей своей истории, корней, пропитанной ненавистью к России, ко всему русскому…

И по Родине и по матери
Были, вроде, мы раньше братьями,
А теперь вы – почти безродные,
Ни на что оказались не годные.
Вы в никчемности многоликие,
Никакие вы – не великие,
Просто жалкие злобные карлики,
У вас кролики там – начальники.
Никакие вы – не свободные,
А глаза у вас – просто голодные,
И теперь в вашей утлой вотчине
Пирожками «халявными» потчуют.
Правит вами заморская братия,
Вы бубните – у нас демократия.
А поля вон давно не полоты —
Руки держат коктейли Молотова,
Вам враги тут и там мерещатся,
А в европах над вами тешатся.
Вас корежит величия мания,
Право только у вас на восстание.
Отчего ж вы такие смелые?
Негры вас «защищают», не белые.
Под «защитой» вы прёте таранами.

Не опасными. Просто баранами.

Мы все из времени Высоцкого

В конце июля 1980 г. не стало Владимира Высоцкого. Москва, чистая, малолюдная, увлеченная Олимпиадой, этого почти и не заметила. Из публичных сообщений о смерти нашего великого современника запомнились два: «пойманная» на собственноручно перестроенный коротковолновый приемник информация Би-Би-Си, да скромное объявление над кассой «Таганки» «умер актер В. Высоцкий». Официальных сообщений так и не последовало. Для нас, прослушавших почти весь репертуар его песен, не единожды пересмотревших спектакли с его участием, встречавших актера на улицах Москвы, в ресторанах, в вестибюле театра или на редких концертах в узком кругу – он не был великим, особенным и недосягаемым. Скорее, наоборот, казался близким, своим в доску, слегка бесшабашным и не лишенным обычных человеческих пороков. Мы его любили, обожали, поэтому столь ранний уход стал трагедией, большой утратой. А страна жила своей жизнью: закончилась Олимпиада-80, не совсем полноценная, бойкотная в связи с вводом наших войск в Афганистан. Оттуда продолжали поступать цинковые гробы – «груз 200». В горьковскую ссылку за «инакомыслие» отправился академик А.Д.Сахаров. Мы все продолжали жить, учиться, делать карьеры и состояния, рушить страну. Мы, пережившие Высоцкого и то непростое, проти-

воречивое, но такое близкое и дорогое время, умом, сердцем и кожей понимаем и чувствуем неразрывную связь всего происходящего сегодня с прошлым, ставшим нашей Историей. В которой совершенно особое место принадлежит ему – нашему Семёнычу, «не успевшему дожить и допеть», но такому понятному в простом и яростном человеческом порыве «хоть мгновение еще постоять на краю…»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.